

© 2016 г.

Л.П. ЛАПТЕВА

**ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ ФРАНЦЕВ (1867–1942) –
РУССКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МЕЖСЛАВЯНСКИХ
НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ В XIX веке**

В.А. Францев относится к тем русским ученым-гуманитариям, которые в начале XX в. определили почетное место России в европейской науке. Он был славяноведом энциклопедического типа, т.е. изучал славянский мир в его совокупности: историю, филологию, языкознание, этнографию, литературу, источники о славянах, прошлое и современное состояние всех сторон культуры и вообще духовной жизни славянских народов.

Подобный “энциклопедизм” характерен и для ряда других русских славяноведов XIX – первой четверти XX в. На наш взгляд, этот феномен объясняется комплексом причин и вытекает из исторических условий развития славяноведения. Прежде всего, славяноведение – наука относительно молодая, ее становление происходило в основном в XIX в. Как известно, этот период истории Европы характеризуется пробуждением национального самосознания у народов Центральной и Юго-Восточной Европы, находившихся под иностранным господством, не имевших своих национальных государственных образований, стесненных в социальном, экономическом и культурном развитии, подвергавшихся германизации, италиянизации и исламизации. И только одно государство в Европе – Россия – было свободно от национального господства иноязычных, иноверующих и инокультурных народов и притом достигло большого политического влияния на Европейском континенте.

Многие адепты национального возрождения славян видели в России потенциально-го освободителя их народов от иноземного ига. Для воплощения в жизнь поставленных целей сторонники национального возрождения должны были воспитать национальное самосознание в массах, чтобы получить социальную опору. Задача воспитания самосознания народа успешнее всего решается изучением гуманитарных дисциплин: истории, языка и литературы, народного творчества и т.д. Однако большинство славянских народов, особенно находившихся под турецким владычеством, было отсталым, поголовно неграмотным, с архаическими формами общественной жизни. “Возрожденцам” приходилось начинать с нуля и главное внимание уделять только местным языковым задачам, изучать прошлое своего народа, развивать или возрождать собственную культуру. Для подробного ознакомления с жизнью других славян, своих соседей, не было ни средств, ни сил. Даже развитые славянские народы, например чехи, сосредоточивали усилия лишь на изучении чешского языка, чешской истории, этнографии, народного быта.

Славяноведение в России имело иные цели. Огромная многонациональная империя, заявившая себя в конце XVIII – начале XX в. могучей державой, считала, что ее историческая миссия – освободить “единокровных и единоверных” братьев славян

Лаптева Людмила Павловна – доктор исторических наук, Заслуженный профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

от иностранного ига. Отсюда проистекала задача науки о славянах — исследовать все направления их материальной и духовной жизни, чему была подчинена организация образования и подготовка кадров ученых-славистов. Славяноведение в широком объеме должно было преподаваться в университетах, а университетский преподаватель должен был знать все и обо всех славянах.

Вторым фактором, объясняющим “энциклопедичность” русских славистов исследуемого периода, является состояние самой науки о славянах. Данная отрасль знаний находилась еще в стадии становления и оформления. Объем сведений о славянах был далеко неполным: источниковая база только формировалась, дифференциация отдельных отраслей пребывала в зачаточном состоянии. Многие дисциплины, кроме языкознания и литературы, еще не получили достаточного развития, чтобы стать самостоятельным предметом. Так, история славян приобрела характер самостоятельного предмета в университетском преподавании только в начале 60-х годов XIX в. Историоведение, историография, археология и т.д. объединялись в одном предмете — славянские древности. Мало что было известно об экономическом, социальном положении и быте славян, их духовной жизни.

Поэтому подготовка кадров славистов включала все то, что было известно о славянах, ставила задачу усвоения всех имевшихся сведений и преумножения их лицами, посвятившими себя этой профессии. В российских университетах существовала лишь одна кафедра славянской филологии, где один профессор вел педагогическую работу по всем отраслям славяноведения: преподавал славянские языки и литературу, историю славян, славянские древности и историю самой науки. В научной работе каждый русский славист выбирал определенную специальность — историю, языковедение, литературоведение и разрабатывал эту область. Таким образом, недифференцированность славяноведения определила “энциклопедичность” специалистов, каждый из которых вносил свой вклад в зависимости от способностей и возможностей.

Серьезный вклад во многие отрасли славяноведения внес В.А. Францев, проработавший большую часть жизни в Варшавском университете. Он оставил ценные труды практически обо всех зарубежных славянах — западных и южных — и считался лучшим специалистом по “славянскому миру”.

Так, в одной из статей, вышедшей в Праге в 1937 г., отмечалось, что В.А. Францев — “лучший знаток западного славянства в его прошлом и настоящем... выгодно отличается среди современных славистов” и, “обладая знанием славянства теоретическим и практическим”, он “многогранными связями с выдающимися представителями науки и искусства всех славянских народов, а также собственными трудами познал все славянство в совокупности” и “написал многочисленные работы о важнейших чешских научных открытиях... имеет выдающиеся заслуги в славянской филологии”. Указывалось также, что для его трудов характерны как тщательность метода, так и богатое содержание¹.

Библиография трудов В.А. Францева насчитывает 316 названий². О жизни и творчестве ученого существует значительная литература, хотя и не исчерпывающая всех сторон его научной деятельности. До Октябрьской революции 1917 г. в России эта литература была представлена главным образом рецензиями на его основные работы. Так, живой отклик специалистов вызвала книга “Очерки по истории чешского возрождения”, о которой в архиве В.А. Францева хранится 21 рецензия русских и зарубежных авторов³. Наряду с рецензиями на труды ученого и полемическими статьями по поводу

¹ *Slavia. Časopis pro moderní filologii*, roč. 23, č. 4. Praha, 1937.

² *Francev V.A. Bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho činnosti*. Theodor Sylaba. Praha, 1977.

³ Основные рецензии на труд В.А. Францева “Очерки по истории чешского возрождения” см. в кн.: *Лантева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в.* М., 2012, с. 306.

некоторых его выводов и заключений сведения о жизни и сочинениях В.А. Францева имеются во всех соответствующих справочниках и словарях, изданных до революции. Однако крупный ученый, получивший признание как в России, так и среди славяноведов Европы, не принял Октябрьской революции, в 1920 г. эмигрировал в Чехословакию и отечественной историографией был забыт.

Возвратить ей В.А. Францева посчастливилось автору этих строк. В 1962 г., тогда доцент кафедры истории южных и западных славян МГУ, я получила продолжительную командировку в Чехословакию для повышения квалификации. В Праге хранился личный архив В.А. Францева⁴, который по завещанию ученого становился доступным через 20 лет после его смерти (В.А. Францев скончался в 1942 г.). Я приехала как раз вовремя и в течение восьми месяцев изучала документы архива, до этого времени никем не исследованные, и по возвращении в Москву опубликовала большую статью “В.А. Францев как историк славянства”⁵. Дальнейшее изучение материалов привело к созданию целой серии статей, посвященных различным аспектам творчества В.А. Францева⁶. Они и составляют основную литературу об этом ученом. Что касается чешской литературы о В.А. Францеве эмигрантского периода его жизни, то большую ее часть представляют собой статьи в чешских справочных изданиях в связи с 60-летним и 70-летним юбилеями ученого⁷.

* * *

Владимир Андреевич Францев родился 4 апреля 1867 г. в крепости Новогеоргиевск (под Варшавой), в русской части Польши⁸. Его отец, Андрей Константинович Францев, был “новогеоргиевского военного госпиталя лекарский помощник, коллежский регистратор, русский, православный”. Мать Мария Адольфовна – полька римско-католического вероисповедания. Отец скончался, когда будущему ученому было шесть лет, и его воспитанием занималась мать. С раннего детства Владимир знал польский язык, но воспитывался он в русском духе, был православным⁹, окончил одну из русских варшавских гимназий. В 1889 г. Владимир поступил в русский Варшавский университет. Историко-филологический факультет он закончил в 1890 г., а в 1892 г. представил диссертацию на тему: “Сказки и песни о благородных животных” и был утвержден в степени кандидата.

Варшавский русский университет был открыт в 1869 г. с целью доставить жителям этого края “всевозможные средства к образованию, но, разумеется, с тем, чтобы это послужило не во вред, а на пользу государству... не к отчуждению, а к сближению его (края. – Л.Л.) с остальными частями империи”. Так определяли задачи создания Варшавского университета официальные круги Российской империи. В польской же историографии создание этого университета квалифицируется как проведение линии правительства России на русификацию поляков. На наш взгляд, такая точка зрения является поверхностной и необъективной.

Каждый университет, безусловно, выполняет задачи государства в подготовке кадров в нужном для политического режима духе. Но вместе с тем он сосредоточивает

⁴ Literární Archiv Památníků národní písemnosti (далее – LAPNP).

⁵ Лантева Л.П. В.А. Францев как историк славянства. – Славянская историография. Сборник статей. М., 1966.

⁶ Основные работы см. в кн.: Лантева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в., с. 289–290.

⁷ Об этом см. Там же, с. 290–291.

⁸ Биографические данные, сведения о служебной деятельности, научных командировках, контактах со славянскими учеными и т.д. В.А. Францева основаны на архивных документах 15 хранилищ бывшего СССР и Чехословакии. Их перечень и краткую характеристику см. Лантева Л.П. В.А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов. – *Slavia. Časopis pro Slovanskou filologii*, 1966, č. 1, s. 79–95.

⁹ По законам Российской империи при смешанных браках дети мужского пола должны были быть православными, женского – по вероисповеданию матери или по желанию родителей.

мыслящую часть общества, предоставляет возможность широкого обмена идеями, мнениями, способствует развитию контактов с родственными учреждениями других стран. Кроме того, учреждение университета предопределяет развитие науки, сообщенные знания, а это формирует мировоззрение и развивает мышление учащихся подчас далеко не в том духе, который желали бы видеть власти.

История знает немало случаев, когда университеты становились в оппозицию режиму. Ярким примером в этом смысле является Пражский университет XIV в. Созданная императором Священной Римской империи в тесной связи с Римской курией и католической церковью пражская Генеральная школа в XV в. превратилась в центр Реформации и социального движения в Чехии, известного под названием Гуситской революции. Реформация церкви в XVI в. в Германии и других европейских странах начиналась в университетах как оппозиционное движение существующим политическим порядкам. Таким образом, на наш взгляд, функцию обрусения поляков Варшавский университет выполнять не мог по определению.

Русский Варшавский университет плохо исполнял свои “обрусительские” функции, однако он принес значительную пользу в решении образовательных задач. По сведениям польского историка Е. Рузевича, через этот университет прошли 7 тыс. поляков и около 1 тыс. студентов еврейского и немецкого происхождения, ассимилированных польской культурой. Около 100 поляков, посвятив себя науке, добились в ней больших результатов, о чем свидетельствует их членство в Польской и Краковской академиях. В межвоенное 20-летие около 80 выпускников русского Варшавского университета были профессорами и преподавателями высших учебных заведений в Польше¹⁰.

В Варшавском университете в разное время работали крупные русские ученые-историки Д.М. Петрушевский, Н.И. Кареев, А.Л. Погодин, филологи и языковеды, историк славянского права Ф.Ф. Зигель и др. Однако долго в Варшаве они не задерживались из-за недружелюбной, враждебной атмосферы, царившей как в профессорской коллегии и среди студентов, большинство из которых были поляками, так и во всем польском обществе. Национализм поляков, которые не давали себе труда разобраться в мировоззрении русских профессоров, создавал обстановку вражды, провинциальных интриг, так что даже дружелюбно настроенные к полякам, прогрессивные по политическим воззрениям русские профессора стремились перебраться в университеты центральной части Российской империи.

Но основная масса русских профессоров Варшавского университета были людьми умеренных или даже консервативных взглядов. Они смотрели на свою работу в Варшаве как на “служение русскому делу”, выполняли все предписания начальства и действовали в духе политики русского правительства, даже если не всегда были с ней согласны. Среди них были хорошие специалисты, воспитавшие немало талантливых учеников из поляков. Тем не менее они постоянно подвергались травле со стороны польской публицистики. К числу таких “умеренных” профессоров принадлежал и В.А. Францев.

В 1908 г. вышла брошюра Н.А. Дубровского под названием “Официальная наука в Царстве Польском”. Автор, бывший студент Варшавского университета, обучавшийся у В.А. Францева, характеризует учителя как “реакционера и невежду”. В усердном труде Францева-исследователя Дубровский не видит ничего положительного. По его мнению, в своих работах ученый не сделал ни одного сколько-нибудь смелого шага за пределы чисто археологического копания в груде материалов, а сам Францев представляет науку, которая находится вне времени и пространства¹¹.

Брошюра являла собой политический памфлет, направленный против Варшавского университета, а имя В.А. Францева было использовано в качестве примера, доказывающего никчемность этого учебного заведения. Дубровский так и не понял процесса

¹⁰ *Rózewicz E. Polsko-rosyjskie powiązania naukowe (1725–1918). Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź, 1984, s. 281–282.*

¹¹ *Дубровский Н.А. Официальная наука в Царстве Польском. СПб., 1908, с. 90, 91, 100.*

познания прошлого и методов, которыми эти знания добываются. Необъективность и предвзятость его оценок очевидна, о чем свидетельствует, в частности, преподавание в Варшавском университете предметов славяноведения. Если в университетах центральной части России славистические дисциплины преподавал, как правило, один профессор, а в некоторых университетах кафедры годами не замещались за неимением кадров, то в Варшавском университете каждый предмет славяноведения вел отдельный специалист. Кафедру всегда возглавлял крупный ученый. Открыть славистические чтения довелось В.В. Макушеву, широко известному специалисту по истории, литературе и языкам южных славян. После смерти Макушева кафедру занял К.Я. Грот – сын русского академика Я.К. Грота, специалиста по исследованию русского языка и литературы. К.Я. Грот внес большой вклад в изучение славянских литератур. Затем кафедру славянской филологии возглавил известный русский историк, представитель нового прогрессивного направления в исторической науке, позитивист А.Л. Погодин, бывший противником официальной русской политики в Польше. После его ухода кафедра перешла к В.А. Францеву.

Своими трудами слависты Варшавского университета внесли большой вклад в разработку славянской истории, литературы и других областей. Из-под пера русских профессоров университета вышли многие исследования и по истории Польши. Так, профессор всеобщей истории Н.Н. Любович (1855–1935) изучал реформацию в Польше и опубликовал на эту тему весьма ценные работы, основанные на архивных материалах и содержащие неординарные выводы. Среди них особо отметим книги “История реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитариане” (СПб., 1883) и “Начало католической реакции и упадок реформации в Польше” (СПб., 1890). Значимые исследования создал и знаменитый русский историк Н.И. Кареев (1850–1931), несколько лет преподававший в Варшавском университете всеобщую историю. Ему принадлежат книги “Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше” (М., 1886), “Падение Польши в исторической литературе” (СПб., 1888), “Польские реформы XVIII века” (СПб., 1890), “Исторический очерк польского сейма” (М., 1888) и др. Профессор А.Л. Погодин (1867–1947) опубликовал целую серию книг и статей, относящихся к польской истории, в частности, фундаментальное исследование “Главные течения польской политической мысли (1863–1907)” (СПб., 1907), а также работы о польской литературе. Среди последних назовем двухтомное исследование “Адам Мицкевич. Жизнь и творчество” (М., 1912).

Некоторые нерусские профессора Варшавского университета активно сотрудничали с русской научной средой и печатали свои сочинения на русском языке и в России. Так, профессор А.И. Павинский (1840–1896), в 1859–1862 гг. учившийся на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, свою главную работу о славянах “Полабские славяне. Историческое исследование” (СПб., 1871) и многие статьи публиковал на русском языке и вообще сотрудничал с российской наукой. Профессор И.И. Первольф (1841–1892), читавший в Варшавском университете славянские древности и другие славистические предметы, тоже издал свое основное сочинение “Славяне, их взаимные отношения и связи” в трех томах (Варшава, 1886–1893) на русском языке.

Все это с очевидностью свидетельствует о том, что русский Варшавский университет не играл важной роли в обрусении поляков, как то утверждает проникнутая национализмом польская историография и некоторые ее российские подражатели¹². Не являлся этот университет и центром мракобесия, что инкриминируют ему невежественные авторы вроде Дубровского. Университет был обычным высшим образовательным российским учреждением провинциального уровня, но благодаря определенным привилегиям, данным ему по политическим соображениям, в научном плане занимал более высокую ступень, нежели некоторые провинциальные вузы центральной части Российской империи. Учитывая высокую интеграцию польской интеллигенции, в том числе ученых, профессоров, а также представителей молодого поколения, получавших

¹² *Иванов А.Е.* Варшавский университет в конце XIX – начале XX века. – Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). Варшава, 1995, с. 198–205.

высшее образование в России, Варшавский университет следует рассматривать как один из факторов русско-польских научных и культурных связей с последней трети XIX в. и до революционных событий в России в начале XX в.

В такой обстановке получал образование и научную подготовку В.А. Францев. Окончив университет, он некоторое время работал учителем русского языка и словесности, истории и географии во 2-й женской Варшавской гимназии, одновременно являясь стипендиатом при Варшавском университете для приготовления к профессорскому званию. В 1893 г. он был впервые командирован за границу на летнее вакационное время. Вторую такую научную командировку, на полгода, ему предоставили в 1895 г. Сдав магистерский экзамен, в 1897 г. В.А. Францев был отправлен за границу сроком на три года для приготовления диссертации по кафедре славянских литератур и наречий¹³. Находясь за границей, он занимался изучением языков и литературы, истории и этнографии западных и южных славян.

Как показывают отчеты варшавского магистранта министру народного просвещения, В.А. Францев посетил Вену, Прагу, Загреб, Люблян, Будапешт и другие города. В Вене он познакомился с семинаром профессора И.В. Ягича, “просмотрел рукописи Придворной библиотеки и отметил неполное их описание, сделанное Миклошичем, слушал лекции проф. И.В. Ягича, Й. Иречка, Мурко, Вондрака и Решетара”¹⁴. Стипендиат усердно изучал специальную литературу, “не оставляя без внимания ни одного из ученых, труды которых подвигали вперед разработку церковнославянского языка: так он изучал Шлёцера, Добровского, Калайдовича, Востокова, Копитара, Шафарика, Бодянского, Рачкого, Ягича”. С чешской литературой он знакомился по трудам Юнгманна, Тиефтрунка, Шлёцера, Иречка, Пыпина и выдающимся памятникам чешской письменности¹⁵. В Загребе В.А. Францев занимался хорватским языком.

Главной своей задачей В.А. Францев определил изучение чешского языка, древнего и нового, и с этой целью штудировал в Праге труды Миклошича, Гатталы Гебауэра, работал над древними рукописями. В период командировки 1897–1900 гг. он посетил Моравию, где в основном занимался историей и частично диалектологией.

По возвращении из этой командировки В.А. Францев был назначен исправляющим должность доцента по кафедре истории славянских наречий и литератур¹⁶. Свою первую лекцию на тему: “Главнейшие моменты в развитии чешского славяноведения” он прочитал 8 ноября 1900 г.

После защиты магистерской диссертации “Очерки по истории чешского возрождения” (1902 г.) В.А. Францев в 1903 г. был назначен экстраординарным профессором, а защитив докторскую диссертацию “Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX столетия” (1906 г.), с 1907 г. стал ординарным профессором Варшавского университета. Преподавательская деятельность В.А. Францева отличалась большим разнообразием. Он читал курсы новой чешской литературы, исторической грамматики чешского языка, историю югославянских литератур – сербской, хорватской, далматинской, дубровницкой, славянской древности, лекции по славяноведению, исторической этнографии славян, грамматике церковнославянского языка и др. Кроме того, он вел практические занятия по чтению чешских и других славянских текстов и практически преподавал чешский язык. Многие курсы его лекций были опубликованы в литографированном виде в качестве пособий для студентов¹⁷.

¹³ Документы о командировках см. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 740, оп. 18, ег.хр. 21, л. 337; ф. 733, оп. 123, д. 138, л. 367; оп. 150, ег.хр. 967, л. 118, и др.

¹⁴ Там же, ф. 733, оп. 151, ег.хр. 33, л. 168.

¹⁵ Там же, оп. 150, ег.хр. 967, л. 118.

¹⁶ Там же, оп. 123, ег.хр. 138, л. 271.

¹⁷ См., например: *Францев В.А. Лекции по славяноведению*. Варшава, 1910; *его же. История славянских литератур. Литературное возрождение славян западных и южных*. Варшава, 1913; *его же. Дубровницкая и далматинская литература*. Варшава, 1913.

Все свободное от педагогической работы время В.А. Францев посвящал научным занятиям в архивах, главным образом в славянских землях Австро-Венгрии, а о результатах своих командировок систематически докладывал на заседаниях Общества истории филологии и права при Варшавском университете, где считался одним из самых активных и работоспособных действительных членов. К началу XX в. им уже был опубликован ряд трудов, а в 1902–1907 гг. вышли почти все его крупные работы, которые получили широкое признание.

В 1904 г. В.А. Францева избрали иностранным членом Чешской академии наук и искусств, а в 1907 г. он получил две премии Российской академии наук: премию митрополита Макария за издание корреспонденции В. Ганки и премию имени профессора А.А. Котляревского за докторскую диссертацию и издание второго тома корреспонденции Й. Добровского. За 1908–1921 гг. В.А. Францев напечатал десятки статей разного объема и значения. Росли известность и авторитет ученого. Его избрали членом Чешского Королевского Общества наук, Чешского этнографического общества, членом-сотрудником Пушкинского общества при бывшем Александровском лицее, а в 1915 г. – членом-корреспондентом Российской академии наук¹⁸.

В связи с Первой мировой войной Варшавский университет переводят в Ростов-на-Дону. В письме академику А.А. Шахматову от 28 августа 1915 г. В.А. Францев пишет, что решение о переводе университета его удручает: “И я не могу никак примириться с ним, ибо вижу, что в Ростове я не в состоянии буду делать то дело, ради которого меня вынуждают переходить туда. Потерявши всю свою библиотеку, собранную в течение почти 25-летних моих поездок в славянские земли, не имея ни листочка своих заметок и материалов, я решительно не вижу никакой возможности работать в Ростове, где нет никакой библиотеки по истории славянских литератур и вообще по славяноведению”¹⁹.

В период гражданской войны, вплоть до 1920 г., Ростов-на-Дону был центром Добровольческой армии. После ухода Белой армии В.А. Францев эмигрирует из России, причем вполне легально: ему, как польскому гражданину, оказавшемуся таковым ввиду образования независимого польского государства, советские власти разрешают выехать в Польшу.

Оттуда ученый перебрался в Чехословакию. 10 сентября 1921 г. он уже был в Праге²⁰. Между тем в конце 1921 г. Российская академия наук избрала В.А. Францева своим действительным членом. Однако ученый отказался возвратиться в Россию. 5 августа 1922 г. он писал М.Н. Сперанскому: «За поздравления меня с академичеством дружески благодарю, а относительно лавров думаю, что они не расцветши завяли... Пусть избирают другого на мое место... В Россию, очевидно, не вернусь... Проживу без “иммортелей” и дальше, как жил до сих пор»²¹. В 1927 г. В.А. Францев принял чехословацкое гражданство, а из членов Российской академии наук был исключен ввиду непосещения ее заседаний.

В Праге В.А. Францев получил должность ординарного профессора славянской филологии в Карловом университете, преподавал русский язык и словесность, читал лекции по истории русского языка, русскому фольклору, древнейшей русской письменности, русской литературе XV–XIX вв., истории славянской филологии. Научное направление деятельности В.А. Францева в период эмиграции практически не изменилось. Несмотря на полную адаптацию в чешской среде, он активно участвовал в организации научной жизни русской эмиграции в Праге и в Чехии вообще. Однако

¹⁸ Дипломы об избрании В.А. Францева в “Общество” и академии хранятся в личном архиве ученого в Праге. – LAPNP, f. V.A. Francev, sig. 135, 3, 12.

¹⁹ Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее – ПФА РАН), ф. 134, оп. 3, д. 1609, л. 45.

²⁰ Об этом подробнее см. *Лантева Л.П.* Русский славист В.А. Францев и обстоятельства его эмиграции из России (по материалам неопубликованной переписки). – *Rossica*. Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. 1997, 11. Прага, 1997.

²¹ ПФА РАН, ф. 172, оп. 1, № 250, л. 9.

политической деятельности ученый чурался, не разделяя экстремистских антисоветских взглядов русских эмигрантов в Чехословакии²². Последние годы жизни В.А. Францева пришлось на период оккупации Чехословакии гитлеровской Германией. О его тогдашнем отношении к СССР письменных свидетельств не найдено. Из устных высказываний можно сделать вывод, что ученый не опозорил себя сотрудничеством с нацистами. Умер В.А. Францев 19 марта 1942 г., за несколько дней до своего 75-летия²³.

Опубликованная библиография его трудов²⁴ свидетельствует, что он был историком науки о славянах, изучал все направления в развитии этой отрасли знаний, но прежде всего исследовал ее источниковую базу. Ученый разыскивал в архивах России и Европы документы, которые были неизвестны или в какой-то мере известны, но не введены в научный оборот, и публиковал их. На основании найденных материалов он исследовал, как развивалось славяноведение в Чехии, Польше, России и у южных славян.

Известно, что в XIX в. в развитии науки в области гуманитарных дисциплин большую роль играли контакты между учеными, которые осуществлялись благодаря переписке. Возможности личных встреч были ограничены расстоянием, средствами передвижения и формой самой научной работы. Ученые не собирались вместе, каждый работал индивидуально в силу своих возможностей; идеи, открытия, новости и другая информация обсуждались в личных письмах, являвшихся самым надежным и достоверным источником. Пересылкой обеспечивался и обмен литературой. Поэтому В.А. Францев уделял большое внимание разысканию и публикации корреспонденции. Переписка давала возможность установить общую картину процесса изучения языка, истории, литературы и культуры вообще, а также выяснить характер связей славянских народов в научной сфере и вместе с другими видами источников восстановить межславянские отношения и контакты. В сферу изучения истории науки входило и освещение деятельности отдельного ученого, который своим творчеством способствовал развитию славяноведения.

Перу В.А. Францева принадлежали также очерки, характеризовавшие научные и культурные события у славян. Особое внимание он уделял развитию славяноведения в Чехии, Польше и России, что вполне соответствовало состоянию этой науки. У южных славян в славистических исследованиях по ряду исторических причин успехи были тогда весьма скромными.

Еще в дореволюционный период В.А. Францев глубоко исследовал тему чешского возрождения. В 1898 г., стремясь основательно и главным образом “самостоятельно ознакомиться с периодом чешского возрождения, литературной деятельностью и заслугами выдающихся его деятелей”, он приступил к изучению огромной корреспонденции В. Ганки, до того времени еще почти не тронутой и даже не приведенной в надлежащий порядок²⁵. Семь лет работал он над этим материалом и опубликовал его в 1905 г. в Варшаве под названием “Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель”. Однако издание нельзя было назвать образцовым. Огромный том почти в 1300 страниц не был снабжен ни основательным введением, ни какими-либо комментариями. В группировке самой корреспонденции отсутствовала удобная для ее использования система, издатель не приложил к письмам никаких указателей.

Этот объемный труд уступал по качеству вышедшей еще в XIX в. публикации И.В. Ягича “Источники для истории славянской филологии” (СПб., 1897) и даже более ранней книге И.И. Срезневского, который в 1873 г. издал переписку А.Х. Востокова со своими примечаниями. Критика восприняла работу В.А. Францева негативно. Ряд

²² Подробнее см. *Лантева Л.П.* Научная и общественная деятельность В.А. Францева в эмиграции в Чехии. – Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие. Сост. Л. Бабка и И. Золотарев. Прага, 2012.

²³ Некролог см. *Slovansky ústav, ročenka 12 (1939–1946). Praha, 1947, s. 171–172.*

²⁴ *Francev V.A. Bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho činnosti. Theodor Sylaba.*

²⁵ РГИА, ф. 733, оп. 150, д. 1518, л. 143.

замечаний в своем отзыве “Письма Вячеславу Ганке из славянских земель, изданные В.А. Францевым”²⁶ высказал Ю. Поливка. Более поздние оценки тоже были весьма сдержанными. Проблема заключалась в том, что В.А. Францев относился к Ганке романтически восторженно. В 1900 г. во вступительной лекции в Варшавском университете он оценивал Ганку как, несомненно, бескорыстного, неутомимого и заслуженного работника, назвал его “замечательным человеком”. В магистерской диссертации В.А. Францев посвятил Ганке большой раздел, а издавая письма к нему, отобрал их так, что из публикации предстает не тот Ганка, который занимался фальсификацией рукописей и монет и с помощью подлого доноса устранил со своего пути Ф.Л. Челаковского²⁷, а ученый, к которому тяготел весь славянский мир. Действительное же качество трудов Ганки, по мнению рецензентов, не соответствовало ни его славе, ни тому впечатлению, которое создается при чтении его корреспонденции.

Признавая справедливость упреков в переоценке В.А. Францевым научных заслуг Ганки, необходимо отметить, что критики руководствовались больше не научными аргументами, а соображениями нравственного характера. Неблаговидный поступок Ганки – создание различных фальсификаций и подделок – нанес большой моральный ущерб чешской науке и в известной степени затормозил ее развитие. Однако следует учесть, что Ганка жил в эпоху романтизма, когда чешские интеллектуалы стремились воспитать национальное самосознание у своего германизирующегося народа и возвратить ему национальную идентичность. Для достижения этой цели все средства казались хороши.

Известно, что борьба за разоблачение фальсификатов Краледворско-зеленогорских рукописей (РКЗ) велась почти 100 лет. В этой борьбе до самого конца XIX в. вся интеллектуальная элита чешского народа защищала подлинность подделок. Полемика между сторонниками и критиками фальсификатов вышла за академические рамки и стала средством воспитания “патриотизма”. Веру в подлинность РКЗ поддерживали и такие корифеи чешской науки, как Ф. Палацкий и П.Й. Шафарик, специально написавшие сочинение, дезавуирующее отрицание Й. Добровским подлинности РКЗ.

А между тем в период романтизма в науке подделки источников были не исключением, а в некоторых случаях – даже правилом. Так, “отец чешской историографии”, как называют чехи знаменитого историка XIX в., политического вождя чешского народа Ф. Палацкого (1798–1876), тоже боролся за национальное возрождение посредством создания мифов и фальсификаций. В 1829 г. он издал 19 древних рукописей, названных им “Старые чешские летописи”²⁸. По мнению чешского историка П. Чорнея, во время работы над изданием Палацкий, стремясь предоставить общественности увлекательное чтение о славной чешской истории, по-своему интерпретировал некоторые события, приукрасив их, и намеренно состарил язык повествований рукописей XVII в. до языка середины XV столетия²⁹.

На основе этих “исправлений” создавались рассказы о несуществовавших событиях. Много небылиц, содержащихся в “Старых чешских летописях”, Чорней находит при описании Гуситского движения, которые приводит в книге “Тайна чешских хроник”³⁰. Чорней приходит к верному заключению, что создание современниками Палацкого исторических мистификаций объясняется их романтическим представлением об истории. В “Старых чешских летописях”, которые разыскал и издал Палацкий, современные историки тоже находят множество мистификаций, способствовавших воспитанию национального самосознания чешского народа. Однако если Палацкий остался в истории великим деятелем чешского народа, то Ганка, работавший в духе Палацкого, вызывает у

²⁶ ПФА РАН, ф. 2, оп. 5, № 48.

²⁷ Weingart M. Vladimír Francův. – Časopis pro moderní filologii, 23, 1937, č. 4, s. 333.

²⁸ Palacký F. Starší letopisové česti od roku 1378 do 1527. Praha, 1829.

²⁹ Čornej P. Původní vrstva Starých letopisů českých. – Staré letopisy české (teksty nejstarší vrstvy). Praha, 2003, s. XV–XVIII.

³⁰ Čornej P. Tajemství českých kronik. Praha, 2003.

потомков раздражение. Чешская историография умалчивает о том вкладе, который внес Ганка другими (кроме создания фальсификаций) видами деятельности. В частности, благодаря его связям со всеми славянскими деятелями и формированию библиотеки Пражского музея чешская столица стала центром притяжения ученых и возрожденцев всего славянского мира. Именно эти качества Ганки имел в виду В.А. Францев, собирая по крупницам его корреспонденцию и публикуя ее, чтобы оставить потомкам источниковую базу для освещения той науки, которая зародилась в Европе в результате процесса возрождения славян. Раздражало современников и более поздних историков также русофильство Ганки, что выделяло его в среде германизированной элиты с ее австрийским менталитетом.

Что касается публикации корреспонденции Ганки В.А. Францевым, то она сделала доступным для исследования громадный материал, разбросанный по разным архивам, и создала источниковую базу для изучения не только чешского возрождения, но и межславянских научных и культурных связей. Эта база используется исследователями и до настоящего времени.

В 1906 г. вышла подготовленная В.А. Францевым переписка Й. Добровского с польским ученым Е.С. Бандтке с 1810 по 1827 г. Издание было осуществлено по предложению Чешской академии наук и искусств и составило второй том корреспонденции Добровского³¹. Письма Бандтке хранились в рукописном отделе Библиотеки музея Чешского Королевства, а письма Добровского В.А. Францев разыскал в библиотеке Академии в Кракове. Издатель учел многие недостатки своего предыдущего аналогичного труда. Том имеет подробное введение и комментарии, большой перечень-указатель писем, имен и предметов. Чешские рецензенты, в частности В. Флайшганс, отмечали высокую литературность языка введения и комментариев, “более правильного, нежели язык какого-либо другого академического издателя-чеха”³².

В предисловии к публикации В.А. Францев подробно изложил биографию Бандтке (1778–1835), так как, по его мнению, в тогдашней литературе еще не было удовлетворительного освещения деятельности этого польского ученого, а его значение для науки о славянах недооценивалось. В.А. Францев использовал автобиографию Бандтке и полностью опубликовал ее текст³³. Он добавил перечень 34 трудов польского ученого, не вошедших в автобиографию и написанных на немецком, польском и латинском языках. Важными в этом библиографическом обзоре являются указанные В.А. Францевым переводы трудов Бандтке на русский язык. Приведя все эти сведения о жизни и творчестве Бандтке, В.А. Францев в известной мере заполнил один из пробелов в истории славяноведения. Переписка опубликована в хронологическом порядке и обнаруживает сходство взглядов Добровского и Бандтке по многим вопросам.

Издание В.А. Францевым корреспонденции выдающихся славистов первой четверти XIX в. имело большое научное значение. Он продемонстрировал высокое мастерство издания источников, умение разыскивать важнейший документальный материал, скрупулезно его обрабатывать, используя свою большую эрудицию в области истории славяноведения. Однако варшавский профессор избегал давать свои оценки, редко высказывал какие-либо оригинальные суждения, предпочитая приводить мнения других или оставляя читателю право самому разобраться в сущности вопроса, что справедливо осуждалось рецензентами. В дальнейшем В.А. Францев не раз обращался к деятельности Добровского³⁴.

Приблизительно с 1907 г. В.А. Францев начал работать над сбором и подготовкой к изданию корреспонденции П.Й. Шафарика. Ученый изучал материалы в ряде русских

³¹ Korrespondence Josefa Dobrovského. D. 2. Vzájemné dopisy Josefa Dobrovského a Jiřího Samuele Bandtkeho z let 1810–1827. – K vydání upravitel V.A. Francev. Praha, 1906.

³² Národní noviny, 27.X.1906.

³³ Korrespondence Josefa Dobrovského..., d. 2, s. VI–VIII.

³⁴ Подробнее об изучении В.А. Францевым творчества Й. Добровского см. Лантева Л.П. В.А. Францев как исследователь творчества Йозефа Добровского. – Славянский альманах. 1998. М., 1999.

библиотек и архивов и в Библиотеке Национального музея в Праге. В течение 20 лет он собирал корреспонденцию Шафарика, его переписку с русскими учеными, составлял комментарии, сравнивал уже изданные ранее письма с оригиналами. Издание труда в двух томах было осуществлено лишь в 1927–1928 гг.³⁵ В него вошла переписка Шафарика с 45 русскими корреспондентами. Среди них – имена почти всех русских славистов первой половины XIX в. М. Вейнгардт назвал эту работу “апофеозом великого терпеливца”³⁶, с чем нельзя не согласиться. Обширное введение фактически является самостоятельным исследованием. Помимо подробного и обобщенного изложения содержания переписки Шафарика с русскими учеными – П.И. Кеппеном, М.П. Погодиным, О.М. Бодянским и многими другими, В.А. Францев анализирует эту переписку с точки зрения их вклада в изучение славяноведения в России. Издание потребовало исключительных по своей сложности и кропотливости архивных изысканий.

Предпринятые В.А. Францевым издания источников всегда отличались точностью, тщательностью обработки документов и подробным комментарием. В 1908 г. он издал в Праге копию первого описания путешествия Г. Текандера через Москву в Персию под названием “Правдивое описание путешествия из Праги через Силезию, Польшу, Москву, Татарию к царскому двору в Персию в 1602–1604 гг. Немецкий текст по изданию 1608 г. с предисловием В.А. Францева”. В том же году было напечатано “Историческое и правдивое повествование о том, как московский князь Димитрий Иоаннович достиг отцовского престола (1606). Предисловие и перевод с чешского В.А. Францева”.

Важными публикациями ученого являлись приложения к его магистерской диссертации. В каждой из них документальная часть достигала приблизительно трети объема работы. Наконец, В.А. Францеву принадлежали десятки мелких публикаций³⁷. Созданная им источниковая база в первую очередь, разумеется, была использована самим ученым в его исследованиях.

Большое значение для науки о славянах имело изучение В.А. Францевым чешской культуры, преимущественно периода национального возрождения. В 1902 г. вышла в свет его магистерская диссертация “Очерки по истории чешского возрождения”. Книга не имела аналогов в литературе. В ней автор приводит факты удушения чешской культуры в XVII–XVIII вв.: гонения на чешский язык, истребление чешских книг – как печатных, так и рукописных, процесс контрреформации и германизации. Далее следуют описание процесса возрождения чешской культуры, характеристика жизни и творчества наиболее выдающихся его представителей.

Благодаря исследованиям В.А. Францева чешское национальное возрождение предстало совершенно по-иному, что повлияло на оценку аналогичных процессов у других славян. В чешской историографии “Очерки” оценивались как “одно из основных сочинений о чешском возрождении”, способствовавшее «существенному обогащению наших знаний об этой эпохе, указавшее впервые в литературе на “большое русское, а также польское влияние в чешском возрождении” и на то, что связи с Россией играли большую роль в усилении национальной энергии»³⁸. Фактический, весьма ценный материал в “Очерках” имел в своей основе свод источников, впервые введенных в научный оборот. Более или менее подробно представлена деятельность чешских возрожденцев, а также русских славяноведов, что весьма важно, так как обычно сильно преувеличивалось немецкое влияние на чешское возрождение.

³⁵ Korespondence Pavla Josefa Šafaříka. I. Vzájemné dopisy P.J. Šafaříka s ruskými učenými (1825–1861), č. I–II. Praha, 1927–1928.

³⁶ Weingart M. Op. cit., s. 340.

³⁷ См., например: Францев В.А. Из переписки В.А. Мацеёвского с русскими учеными. М., 1901; *его же*. Русские посольства в Чехии. Варшава, 1902; *его же*. К истории наших сношений с Черной Горой в начале XIX столетия. – Русская старина, т. 133, 1908; *его же*. Из переписки гр. Н.П. Румянцева, т. 1–2. Варшава, 1909–1914 (оттиски из Русского филологического вестника); *его же*. Письмо С.П. Шевырева к Ф.И. Иезбере. – Русская старина, т. 142, 1910.

³⁸ Weingart M. Op. cit., s. 332.

“Очерки” вызвали широкий отклик в славяноведческой литературе. Рецензии были в основном положительными, но отмечались и недостатки. Прежде всего критике подверглась тенденция автора уклоняться от собственных оценок. Указывалось и на другие недочеты. Так, А.И. Степович в своем отзыве писал: “В самом деле, непредубежденный читатель вправе спросить, откуда же взялось такое количество сильных, энергичных и сведущих бойцов за права обреченного врагами на гибель народа, которое оказалось в состоянии остановить эту гибель и найти для него какие-то особенно спасительные устои для дальнейшей борьбы с беспощадным врагом и, быть может, даже для победы над ним?.. Указанные автором явления политического и общественного свойства, помогшие чешскому возрождению, как, например, непосредственное знакомство чехов с русским народом в виде его войск, останавливавшихся в Чехии несколько раз в течение XVIII–XIX вв. и на довольно продолжительное время, или некоторые мероприятия Марии Терезии и Иосифа II, могли быть скорее возбуждающими точками и поводами, чем причинами рассматриваемого явления... Автор недостаточно остановился и оценил такие важные для возбуждения народного духа мероприятия, как уничтожение крепостного права, новое устройство церковных отношений, меры усиления грамотности в народе и некоторые мероприятия, направленные к улучшению благосостояния народа”. Далее рецензент констатирует, что без таких дополнений “исследуемые явления кажутся висящими в воздухе”³⁹. Указанные им недостатки книги В.А. Францева не лишены оснований.

Многие вопросы, изложенные в “Очерках”, В.А. Францев продолжал изучать и дальше. Это, в частности, относится к творчеству Й. Добровского, которому он посвятил ряд работ. Говоря о начале чешско-русских связей, В.А. Францев описывает путешествие Добровского в Россию в 1792 г.⁴⁰ Поездка чешского ученого началась с посещения Швеции, где он собирался разыскать и обследовать увезенные шведами в Тридцатилетнюю войну чешские рукописи. Из Швеции Добровский через Финляндию перебрался в Петербург, а затем в Москву. В Петербурге он изучал памятники церковнославянской письменности в библиотеках и архивах, а в Москве разыскивал в старых славянских рукописях разночтения в версиях перевода Ветхого Завета для предполагавшегося нового издания его текстов.

В.А. Францев обратил внимание на то, что пребывание Добровского в России дало чешскому ученому возможность основательно познакомиться с русским языком и стимулировало его интерес к русской литературе⁴¹. Далее В.А. Францев отмечает, что Добровский создал школу последователей, подготовивших почву для “русско-чешской взаимности в литературе и науке”⁴². В 1799 г. Добровский пишет сочинение “Сравнение российского языка с богемским” и краткий самоучитель русского языка. Вскоре его имя становится известно в России. Особенным вниманием в российских научных кругах пользовался его труд “*Institutiones linguae Slavicae*” (1822 г.). На базе этого труда, но преимущественно “Грамматики” Добровского (1825 г.) в России появилась “Славянская грамматика” Й. Пенинского. В 1833–1834 гг. “*Institutiones*” были переведены на русский язык и напечатаны под названием “Грамматика языка славянского по древнему наречию”.

В.А. Францев опустил ряд важных деталей. Современники вспоминают, что, когда сочинение Добровского уже было готово к печати, он получил из России опубликованную в 1820 г. работу А.Х. Востокова “Рассуждение о славянском языке”. Добровского поразило новаторство выводов Востокова. Известно, что книга Добровского произвела огромное впечатление на европейских ученых и долгое время была едва ли не единственным источником сведений о древнеславянском языке. А о небольшой

³⁹ Филологические записки, вып. 5. Воронеж, 1902.

⁴⁰ *Francev V.A. Cesta Dobrovského a hr. J. Šternberka do Ruska v letech 1792–1793. Praha, 1923.*

⁴¹ Новейшие данные о пребывании Й. Добровского в России см. *Моисеева Г.Н., Крбец М.М. Йозеф Добровский и Россия. Л., 1990.*

⁴² *Францев В.А. Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902, с. 30.*

работе Востокова за рубежом знали мало, да и в самой России тоже. Но сравнение ее содержания с сочинением Добровского показывает, что Востоков создал новаторское произведение, где исследовал и показал свойства языка и различных его форм в динамике тех изменений, которые они испытывали в ходе столетий. Добровский же рассматривал язык как нечто неизменное, так что книга чешского ученого была уже анахронизмом в науке. Однако работа “*Institutiones*” чешского будителя еще долго являлась пособием, по которому учили студентов в русских университетах. Русские современники недооценили новаторский труд своего соотечественника, недооценил его и В.А. Францев, не осмелившийся объективно взглянуть на достижения Добровского – патриарха славяноведения в вопросах изучения старославянского языка – и вообще отойти от панегирической характеристики его творчества.

Между тем уже славянское языкознание XIX в. внесло существенные коррективы в оценку Добровским ряда положений. В 1824 г. русский ученый К.Ф. Калайдович издал труд “*Иоанн экзарх Болгарский*”, посвященный истории славянского языка и литературы IX и X столетий и представлявший собой первый блестящий опыт документальной истории литературы славян начала X в. Это произведение было встречено Добровским весьма скептически. Он не поверил, что в эпоху царя Симеона у болгар существовал некий экзарх. Дальнейшее исследование славянской литературной старины показало, сколь неправомерным и безосновательным был в данном случае его скептицизм.

Оценивая значение Добровского в истории славянской филологии, В.А. Францев в своих лекциях 1915 г. констатировал: «Под влиянием ученых трудов Добровского совершалось все дальнейшее развитие студий в области славяноведения вообще, а при его жизни оно преимущественно сказалось в обилии трудов по изучению чешского языка, основанных исключительно на результатах его исследований. Добровский был в полном смысле слова общеславянский филолог... Он не только заложил краеугольный камень для здания новой науки – славянской филологии, но и сумел вдохнуть в нее “дыхание жизни” и тем положить основание ее правильного роста и развития, обеспечить ее непрерывное движение вперед»⁴³.

Таким образом, оценка В.А. Францевым значения Добровского в истории славянской филологии не изменилась со времен издания им магистерской диссертации, т.е. с 1902 г. Однако именно в области славянского языкознания за вторую половину XIX и начало XX столетия произошли столь серьезные изменения, что эта наука приобрела совершенно другой вид. Трудно предположить, чтобы столь эрудированный ученый не знал об этой динамике. Консерватизм В.А. Францева в оценках творчества Добровского, вероятнее всего, можно объяснить романтическими увлечениями личностью чешского будителя и стремлением показать общность славянства, действенность теории славянской взаимности, в которой в XIX – начале XX в. многие стали сомневаться. Последней работой русского слависта о Добровском была статья, посвященная 100-летию со дня смерти чешского ученого, опубликованная в эмигрантской газете “Россия и славянство” в 1929 г.⁴⁴ Общая оценка Добровского в этой работе совпадает с прежними.

В.А. Францев, в чьем творчестве исследовательская линия переплеталась с идеей славянской взаимности колларовского толка, освещал как межславянские отношения в целом, так и деятельность отдельных личностей чешского национального возрождения односторонне, некритически, с романтическими тенденциями. Но этим заключением вовсе не ставится под сомнение тот факт, что Добровский являлся основателем научного славяноведения в европейском масштабе, а русский славист В.А. Францев своими исследованиями его творчества внес существенный вклад в изучение истории науки о славянах⁴⁵.

⁴³ Францев В.А. Введение в славяноведение: лекции, читанные студентам 1-го курса историко-филологического факультета Императорского Варшавского университета в 1914–1915 акад. г. Варшава, 1915, с. 35–41.

⁴⁴ Францев В.А. Аббат Иосиф Добровский, патриарх славяноведения. К столетию его смерти (6 января 1829 г.). – Россия и славянство, 9. II. 1929. (Его автограф имеется в архиве Францева).

⁴⁵ Лаптева Л.П. Францев как исследователь творчества Йозефа Добровского.

Одним из главных направлений исследований В.А. Францева был также творческий путь другого крупного представителя чешского возрождения – П.Й. Шафарика (1795–1861). Первая подробная характеристика его творчества содержится в магистерской диссертации В.А. Францева, где чешский ученый отнесен автором к центральным фигурам национального возрождения и к главным носителям связей с русской наукой. Разысканием и обнародованием писем Шафарика к русским ученым варшавский профессор снискал себе славу крупнейшего исследователя общеевропейского масштаба.

Деятельность Шафарика “на славянской ниве” была известна в России с самого ее начала. Когда в 1820-х годах возникла идея создать славянские кафедры в российских университетах, то собственных ученых для занятия этих кафедр не нашлось и решено было пригласить трех чехов, среди которых оказался и Шафарик. Кафедры так и не были открыты. Нереализованным осталось и приглашение Шафарика в Россию в качестве хранителя вновь учрежденной при Российской академии Славянской библиотеки.

Историю приглашения чешских ученых в Россию в 1820–1830-х годах до В.А. Францева уже освещал в своей монографии А.А. Кочубинский⁴⁶. Однако Кочубинский имел в распоряжении лишь официальную переписку, в то время как В.А. Францев использовал новый материал, а именно – письма П.Й. Шафарика к Я. Коллару, Ф. Палацкому и другим друзьям, где он предельно откровенно объясняет свое нежелание ехать в Россию. В переписке с русскими деятелями Шафарик мотивирует это нежелание дороговизной петербургской жизни, плохим климатом, в котором его жена не в состоянии была бы дышать и три месяца, не то что жить там три года, и т.п.

Новые источники, найденные В.А. Францевым, показывают более глубокую причину отказа Шафарика перебраться в Россию. Как и многие другие представители зарубежных славян, получившие немецкое образование и усвоившие немецкую культуру, чешский ученый относился к России без особой симпатии, а после подавления русскими войсками восстания польской шляхты в 1830–1831 гг. его негативное отношение к ней только усугубилось. Подавление польского восстания нанесло удар по вере Шафарика в славянское единство. Он писал Коллару, что “славянское единство возможно только в духе любви, а эти наполовину онемеченные и наполовину (что касается характера) отатаренные северяне плохо поняли идею единения, полагая, что заговором Екатерины II и союзом с предателями и естественными, главными и кровожадными врагами славянского народа и затем расчленением благороднейшего и воистину рыцарского славянского племени может быть положено основание будущему соединению славян”. И далее: “Если Вы полагаете, что под шестидесятым градусом когда-либо разовьется и расцветет истинная славянская жизнь, тогда я не могу и не хочу спорить с Вами, – я к этому мнению никогда не присоединюсь. Величие, которому мы все удивляемся, есть в действительности ужаснейший военный деспотизм, только формой своей отличающийся сильно от римского деспотизма времени Нерона и др. или нынешнего турецкого, но по существу своему мало от них отличающемуся. Вы сами хорошо знаете, что во многих отношениях (это касается свободы мысли и слова) турецкое правительство гораздо либеральнее, нежели правительство северное”. В своем отрицании славянских начал в настоящем и будущем русской жизни Шафарик идет еще дальше. “Роскошные плоды ума Батюшкова, Жуковского, Пушкина и пр. и пр., – пишет он, – суть цветы дилетантизма, сад, в коем они возросли, не народ славянский. Без политической жизни народы – нули; на севере народ – ничто и даже еще меньше. Под 60 градусом никогда не возникнут славянские Афины, ибо без свободы нет Афин”⁴⁷. Эту филиппику Шафарика против России В.А. Францев, как обычно, оставил без комментариев. Не вспомнил ученый и о том, что “сад, в коем возрастал” сам Шафарик, тоже был не славянский, а немецкий.

⁴⁶ Кочубинский А.А. Адмирал Шишков и канцлер граф. Румянцев. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887–1888.

⁴⁷ Францев В.А. Очерки по истории чешского возрождения, с. 165–166.

Еще одним важным направлением в истории связей Шафарика с Россией являлись его контакты с русскими славяноведами, командированными за границу для подготовки к занятию созданных в российских университетах кафедр истории и литературы славянских наречий. В.А. Францев подробно останавливается на взаимоотношениях Шафарика и О.М. Бодянского. И хотя в книге дается научная характеристика деятельности И.И. Срезневского, П.И. Прейса и В.И. Григоровича, представителю Московского университета Бодянскому отводится особое место. Автор “Очерков” показывает, что между ним и Шафариком сложились сердечные, дружеские отношения. Помощь Шафарика стала для Бодянского поистине бесценной. Он писал, что Шафарик был для него “живую славянской энциклопедией”⁴⁸ и что он всю жизнь считал его своим учителем, хотя по многим вопросам с ним не соглашался. В то же время переписка между учеными показывает, какое значение имели сведения, доставленные Бодянским Шафарика, для создания его главных трудов – “Славянских древностей” и “Славянской этнографии”. Многие сделал Бодянский и для ознакомления русской научной публики с творчеством Шафарика, переводя на русский язык его труды и публикуя их в русских изданиях. Именно Бодянский перевел на русский язык “Славянские древности” и “Славянскую этнографию” и в своей педагогической деятельности использовал эти работы чуть ли не как учебники.

По-другому, отмечает В.А. Францев, складывались отношения Шафарика со Срезневским. Человек иного склада, чем Бодянский, харьковский посланец в Чехию ближе сошелся с Ганкой. Однако во время путешествий по землям западных и южных славян Срезневский постоянно делился своими знаниями и новостями о славянах и с Шафариком. В.А. Францев подробно останавливается на разборе Срезневским книги Шафарика “Славянская этнография”. Высказав в своей рецензии искреннее уважение к учителю, Срезневский не согласился с рядом основополагающих вопросов, изложенных Шафариком, в частности, отверг его систему деления славян “на отрасли по характеру наречий”⁴⁹ и предложил собственную. Сделал он и ряд поправок и дополнений по вопросу о границах расселения славян.

Срезневский, пропутешествовавший пешком по значительной части территории южных и западных славян, обладал большими знаниями в области живых славянских языков, границ их распространения, славянских обычаев, фольклора, народной жизни, чем щедро поделился с Шафариком, покидавшим Прагу разве что для поездок в Мариенбад на лечение. Срезневский предполагал, что чисто научный спор не может дурно повлиять на взаимоотношения между учеными. Однако Шафарик неожиданно прекратил переписку с ним. Чехи очень болезненно относились к критике, особенно если она исходила от бывших учеников. В.А. Францев отметил это качество чешского характера, но не стал развивать данное наблюдение, не желая сосредоточиваться на ошибках славянского корифея. В университетских лекциях за 1914/15 учебный год, где рассматривались все стороны творчества чешского ученого, он тоже не посчитал возможным упомянуть о критике “Славянской этнографии” Шафарика, которую предложил в своей статье Срезневский, о чем подробно и объективно написал в “Очерках по истории чешского возрождения”.

К тому времени, когда В.А. Францев издал свои “Очерки”, теория Шафарика о славянских древностях давно уже превратилась в драгоценную историческую реликвию, т. е. считалась полностью устаревшей. Но В.А. Францев по-прежнему дает его “Славянским древностям” восторженную характеристику. “Великолепное здание славянских древностей, как воздвиг его Шафарик, – пишет он, – стоит дальше прочно... Если наука ныне и ушла вперед, то она совершила это движение только в отдельных местах и только отдельными поправками в его грандиозном здании. Новый Шафарик до сего времени не явился; в сравнении с иными исследователями он считается и ныне величайшим”. Не оспаривая в целом значения Шафарика как первооткрывателя в науке

⁴⁸ Там же, с. 232.

⁴⁹ Там же, с. 340.

о древних славянах, все же следует признать характеристику В.А. Францева лишенной чувства историзма и объективности.

В “Очерках” В.А. Францева говорится также о контактах Шафарика с В.И. Григоровичем (1815–1878) – посланцем за границу от Казанского университета для подготовки по славяноведению. В отличие от Бодянского и Срезневского, Григорович путешествовал по балканской территории – болгарским и сербским областям, в то время малодоступным турецким провинциям, не изведанным, с точки зрения языка и литературы. Он посетил Афон, многие монастыри и церкви, прошел пешком по Македонии, побывал в Охриде, три месяца работал в Солуни (Салониках). Ученый разыскивал греческие и славянские рукописи, осматривал древности, фиксировал сведения о славянском языке. Обнаружив много древних славянских памятников, написанных на глаголице, и удостоверившись в обширном некогда ее употреблении, Григорович окончательно утвердился во мнении, что первоначальным славянским письмом была глаголица (а не кириллица, как в это время считалось).

Прибыв в Прагу, Григорович поделился своими соображениями и сведениями о найденных им славянских памятниках с Шафариком, который уже давно занимался южнославянскими языками. Между учеными установились партнерские отношения, продолжившиеся в форме переписки. Казанский славист посылал Шафарiku выписки из рукописей в том виде, в каком они присутствовали в оригинале, целые фрагменты сведений, обзоры и собственные соображения по существу. Шафарик использовал эти материалы в своих трудах, например, в работах “Памятники глаголической письменности” (1853 г.), “Памятники древней письменности славян” (1851 г.). В результате этого научного сотрудничества Шафарик изменил свою точку зрения, признав бóльшую древность глаголицы в сравнении с кириллицей в работе о глаголической письменности⁵⁰.

Таким образом, в “Очерках по истории чешского возрождения” В.А. Францев всесторонне осветил связи Шафарика с русскими славистами, и не только с ними. Позднее он обратился к изучению и других аспектов творчества Шафарика. Венцом исследований о нем явилось издание В.А. Францевым в 1927–1928 гг. в Праге переписки чешского корифея с русскими учеными. В целом в творчестве В.А. Францева нашли отражение и многие другие сюжеты чешской культуры и истории⁵¹.

Большое внимание В.А. Францев уделял также польским сюжетам, прежде всего польско-славянским научным связям. В упомянутой выше библиографии его трудов из 316 названий более 60 – по польской тематике. Но она отражена и в других его работах. Так, в издании писем Ганки из славянских земель более 30 принадлежит польским ученым, а в издании переписки Добровского и Бандтке опубликованы оригиналы писем последнего и впервые изложена биография польского лингвиста и касающиеся его документы. В.А. Францев исследовал и издал большое количество архивных материалов, свидетельствующих о контактах польских ученых с другими славистами.

Крупнейшим трудом В.А. Францева по этой проблематике является его докторская диссертация “Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст.”⁵² В ней показана роль польской науки в становлении европейского славяноведения, рассмотрены труды польских славяноведов, посвященные самым разнообразным вопросам истории славян, преимущественно древнейшей письменности и языкознанию. Кроме того, автор отмечает, что польские ученые начала XIX в. поддерживали постоянные контакты с русскими коллегами, нередко пользовались помощью со стороны русских меценатов и правительства. Труд В.А. Францева, основанный на не тронутом до того рукописном архивном материале, можно назвать первопроходческим. Современники

⁵⁰ Об этом подробнее см. *Лантева Л.П.* Связи В.И. Григоровича с П.Й. Шафариком (по данным переписки). – *Studia bohémica*. К 70-летию Сергея Васильевича Никольского. М., 1992.

⁵¹ См. *Лантева Л.П.* Творчество П.Й. Шафарика в освещении русского слависта В.А. Францева. – Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М., 1995.

⁵² *Францев В.А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага, 1906.

считали его крупным вкладом в науку, опровергавшим суждения о незначительной роли польских ученых в мировом славяноведении. Докторская диссертация В.А. Францева по богатству источниковой базы и по стройности изложения материала значительно превосходила магистерскую. Важно отметить, что в этой работе впервые затронута проблема влияния польского возрождения на чешское, что способствовало более глубокому пониманию и чешского возрождения.

Книга вызвала массу откликов в славянских странах. Многие из них выдержаны в восторженных тонах. Критики упрекали за те же недостатки, которые имелись и в магистерской диссертации: автор очень редко высказывает свои суждения и не дает многим явлениям собственных оценок, не заботится о подробном обосновании своих взглядов.

Большое место в творчестве В.А. Францева было отведено знаменитому польскому историку славянского права В.А. Мацеёвскому (1792–1883). По оценке польского историка Ю. Бардаха, Мацеёвский был в Польше первым представителем исторической школы правоведения, основанной в Европе К.Ф. Эйхгорном и К.Ф. Савиньи⁵³. Он создал первый синтез истории славянского права, открыв новое направление в истории предмета. Деятельность Мацеёвского проходила в основном после подавления польского восстания 1830–1831 гг., когда сотрудничество польской и русской интеллектуальной среды сменилось враждой. Многие представители польской интеллигенции, и среди них А. Мицкевич и И. Лелевель, выступали с резко выраженных антирусских позиций. Мацеёвский же остался на позициях сотрудничества с русской наукой, что явилось причиной обвинений его в измене национальным интересам и травли со стороны польской эмиграции и католической церкви. Охаянный современниками, Мацеёвский оказался забыт польской историографией. В русской науке труды Мацеёвского оценивались высоко. Признавалось, что он был первым в Польше, кто применил научные методы для исследования древнего права⁵⁴. Творчество Мацеёвского встречало положительный отклик и среди других славян, о чем свидетельствуют переводы его трудов на чешский, сербохорватский и болгарский языки.

В письмах русских корреспондентов Мацеёвского речь идет, в частности, о переводе на русский язык его крупнейшего труда “История славянских законодательств”, а также работы по истории польской письменности.

В 1840 г. на русском языке вышла первая часть работы Мацеёвского “Памятники об истории письменности и законодательства славян” под названием “История первобытной христианской церкви у славян”. Второй том, “Памятники об истории письменности и законодательства славян”, появился в 1846 г. Обширный лагерь эмигрантской и католической журналистики объявил взгляды, высказанные Мацеёвским, еретическими. Несмотря на неистовые нападки, ученый подготовил новое издание “Истории славянских законодательств”, которое при материальной поддержке со стороны России вышло в шести томах в 1856–1858 гг. Однако полностью на русский язык эти работы Мацеёвского переведены не были. На новое, дополненное издание враги ответили внесением обоих трудов Мацеёвского в индекс запрещенных книг, при этом особенно постарался польский иезуит отец Семененко – цензор польской литературы в конгрегации индекса. Тщетно ученый апеллировал к папе римскому. До конца жизни ему так и не удалось добиться отпущения грехов за утверждение, что у древних славян, в том числе у поляков, первоначально существовал греческий религиозный обряд.

В России же труды Мацеёвского были оценены по достоинству как правоведами, так и славистами. Но, как свидетельствуют данные переписки ученых, на них отсутствовал спрос, что не было обусловлено ни их научным достоинством, ни отношением русской общественности к автору⁵⁵. Просто в первой половине XIX в. уровень интереса

⁵³ *Bardach J.* Wacław Aleksander Maciejowski i jego współcześni. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1971, s. 5.

⁵⁴ Из переписки В.А. Мацеёвского с русскими учеными. Сообщил В.А. Францев. – Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1901, кн. 11.

⁵⁵ Там же.

к славянским проблемам был очень низок, и сочинениями, посвященными специальным вопросам, могли заинтересоваться лишь единицы. Мацеёвский был “первоучителем славянского права”, и это понял В.А. Францев, тоже славист, “первопроходец”, но уже в исследовании материалов и возвращении из забвения польского историка-слависта Мацеёвского⁵⁶.

Последней крупной работой В.А. Францева, освещающей проблему польско-русских связей, является его монография “Пушкин и польское восстание 1830–1831 годов”⁵⁷. Заметим, что в творчестве ученого вопрос о распространении русской литературы среди славян и ее влиянии на творчество славянских поэтов и прозаиков занимает значительное место и поэтому требует специального изучения. Ему принадлежат два десятка статей, заметок, рефератов о переводах произведений Пушкина на славянские языки, в том числе польский. Названная же выше монография была написана В.А. Францевым уже в эмиграции и представляет собой некое историческое воспоминание о событии столетней давности.

Он приводит исторический комментарий и объяснение обстоятельств написания Пушкиным стихотворений “Клеветникам России” и “Бородинская годовщина”. В.А. Францев считал, что оба эти стихотворения были направлены против депутатов французского парламента, которые под влиянием польских эмигрантов в своих речах оскорбляли Россию и высказывали угрозы в ее адрес. Пушкин, по его мнению, выражал протест против неуместного вмешательства французов во внутренний спор между поляками и Россией. Ученый полагал, что только изучение исторического контекста может способствовать правильному пониманию позиции русского поэта.

На основании извлечений из французской прессы В.А. Францев показывает, что французская палата депутатов, симпатизировавшая восставшим полякам, утверждала, что деспотическая Россия будто бы угрожает только что завоеванным свободам французского народа, и отмечала великую роль Польши, задерживающей русское нашествие. Этот взгляд на Польшу как на заградительный кордон, охраняющий европейскую культуру от русского варварства, усиленно распространялся польскими эмигрантами. Русский поэт выступил в защиту России. Пушкин, по мнению В.А. Францева, хорошо понимал исторические корни восстания поляков 1830–1831 гг. и его значение для судеб России. Провозглашая борьбу “за вашу и нашу свободу”, они ставили целью восстановление Польши в границах 1772 г., т.е. с Белоруссией, Литвой и Украиной в ее составе. А эти территории с древности были населены русскими племенами и принадлежали к русским владениям. В Литве русский язык был до позднейших времен и языком письменным, и господствующим гражданским.

Пушкин историю знал и осуждал выступление поляков как неправомерное. Он вовсе не хотел их уничтожения или унижения, а желал им свободной жизни в их этнических границах, с порядками, определяемыми конституцией, дарованной Александром I, т.е. с такими порядками общественной и политической жизни, которых не было и в самой России. Такой подход Пушкина к событиям объясняется, с точки зрения В.А. Францева, патриотизмом русского поэта, который понимал вред польского “мятежа” для национальных интересов России. В своих стихах он отражал общественное настроение своего времени, своей среды. Его мысли совпадали с суждениями декабристов. Пушкинский протест с чувством удовлетворения встретил П.Я. Чаадаев, негодование А.С. Пушкина разделил и М.Ю. Лермонтов. Ученый приводит и другие примеры солидарности современников с мыслями, высказанными великим русским поэтом.

Откликов поляков, современников Пушкина, на его стихотворения В.А. Францев не приводит. Возможно, их и не было. Даже А. Мицкевич в своих лекциях по сла-

⁵⁶ Более подробно об изучении В.А. Францевым сюжетов по истории Польши см. *Лантева Л.П.* В.А. Францев как исследователь русско-польских научных связей в XIX веке. – Культурные связи России и Польши в XI–XIX вв. М., 1998.

⁵⁷ *Францев В.А.* Пушкин и польское восстание 1830–1831 годов. Опыт исторического комментария к стихотворениям “Клеветникам России” и “Бородинская годовщина”. Прага, 1929.

вянским литературам, прочитанных в Париже в 1840–1843 гг., не останавливается на названных произведениях Пушкина. Лишь позднее их подверг разбору в лекции “Пушкин и Мицкевич у памятника Петру Великому” В. Спасович. Он “позволил себе бесцеремонное обращение со стихом поэта, вольность в использовании его образов и большое безвкусие как критик”⁵⁸, – пишет В.А. Францев. “Еще дальше пошел историк польской литературы Ст. Тарновский, – комментирует исследователь. – Польский ученый признает, что в сущности не знает сочинений Пушкина и оценивает поэта по работе Спасовича, который, как показалось Тарновскому, вполне доказал, что Пушкин действительно был поэтом глубоко национальным, выразителем понятий и чувств своего народа, но именно в этом и состоит его великий недостаток, тут он морально столь же ничтожен, как и его народ”⁵⁹. Указав и на других польских критиков пушкинских стихотворений, В.А. Францев отмечает «непристойную и в то же время невежественную характеристику Пушкина, данную его современником В. Ледницким (1926 г.). Пушкин представляется Ледницкому “ненавистником”, попирателем поляков, а его стихи – актом солидарности с Николаем I и политической программой поэта, в которой проявляется ужасающий националистический эгоизм его». “Для Ледницкого, – указывает В.А. Францев, – стихотворения Пушкина... остались гимном торжествующего хама – ничего больше!”.

Резкостью и вместе с тем поверхностными оценками творчества поэта отличался В. Кухаржевский. В политическом памфлете “От белого до красного царя” (1923 г.) он характеризовал Пушкина как платного “синекуриста, нечто вроде казенного историографа”, добавив, что “отношение Пушкина к войне польского народа за свободу ничем не отличалось от отношения Николая, Бенкендорфа, Паскевича”. В.А. Францев пишет, что «для Кухаржевского “клеветническое” стихотворение “Клеветникам России” отличается шовинизмом»⁶⁰. Таким образом, польские литераторы и через столетие после восстания 1830–1831 гг. не дали себе труда вникнуть в суть позиции Пушкина. В националистическом угаре они готовы были перечеркнуть достоинства Пушкина-поэта и его вклад в мировую литературу на том основании, что он позволил себе проявить чувство патриотизма, желал целостности своей стране.

Рассматриваемая монография характеризует В.А. Францева как человека и ученого. Будучи сам полуполяком, прожившим большую часть жизни в Польше, он сохранил способность к объективной оценке исторического явления, о котором писал, беспристрастно осветил причины позиции польских современников Пушкина и более поздних литературоведов.

В.А. Францев останавливается также на реакции других славянских народов на польское восстание 1830–1831 гг. и отмечает сочувствие к полякам со стороны большинства чешской интеллигенции. Отношение к Пушкину и его стихотворению у южных славян, указывает ученый, было уважительным и беспристрастным. Они не усматривали в его стихах того политического смысла, который приписывали им поляки, считая их прежде всего своеобразным выражением идеи славянской взаимности.

Во имя этой идеи в XIX в. большинство профессоров русских университетов, преподававших славистические дисциплины, обращались к изучению малых славянских народов, среди которых значительное место в специальной литературе занимали лужицкие сербы. Активным исследователем прошлого и современного состояния лужицких сербов был и В.А. Францев. Он помещал в русской печати статьи и заметки на серболужицкую тематику, публиковал обнаруженные им в разных славянских архивах письма серболужицких национальных деятелей и другие документы. В 1897 г., когда Сербская матица – научная и культурная организация лужицких сербов – отмечала 50-летие, В.А. Францев трижды выступил в российской печати со статьями, в которых рассказывал об организации, деятельности и значении этого общества для националь-

⁵⁸ Там же, с. 86.

⁵⁹ Там же, с. 88.

⁶⁰ Там же, с. 93.

ной жизни лужицких сербов. В статьях, посвященных отдельным деятелям серболужицкой культуры, В.А. Францев освещал их жизненный путь и характеризовал их вклад в дело сохранения этим малым славянским народом национальной идентичности. Он поддерживал связь с серболужицкими деятелями вплоть до Второй мировой войны и являлся членом Сербской матицы⁶¹.

Последние 20 лет своей жизни В.А. Францев провел в Чехословакии. И хотя он принял чехословацкое гражданство, все равно считался русским эмигрантом и активно сотрудничал с русскими эмигрантскими кругами. Одно время В.А. Францев был председателем созданного в Праге Русского института, находившегося в ведении чехословацкого правительства и на его финансовом содержании. Ученый являлся также председателем “Русской академической группы в Чехословакии”, заместителем председателя “Союза русских академических организаций” и выполнял целый ряд других общественных и академических функций, например, представлял русских ученых-эмигрантов на международных форумах⁶².

Научная деятельность его продолжалась в общем в том же направлении, что и в России, но таких крупных сочинений, как “Очерки” и “Польское славяноведение”, создавших ему европейскую славу, В.А. Францев уже не написал. Основной темой его научных исследований в период эмиграции стало освещение связей русских писателей и поэтов с западными и южными славянами. Таковы его работы о Г.Р. Державине, А.И. Одоевском, И.С. Аксакове, А.С. Хомякове, Н.И. Надеждине. Наряду с этим ученый исследовал связи М.П. Погодина с Ф. Палацким, ряд работ посвятил Я. Коллару. Главное внимание В.А. Францев уделял вопросу о распространении наследия А.С. Пушкина у славянских народов. Кроме этих сюжетов он изучал историю и литературу Подкарпатской Руси.

Что касается политических взглядов В.А. Францева, то он не очень интересовался политикой. Это был законопослушный человек, не всегда одобрявший существующие порядки, но и не выступавший за их изменение. Не приняв Октябрьской революции в России, он, тем не менее, не вступил в эмиграции в ряды активных борцов против нее, как это сделали многие его коллеги. Ему импонировали свобода слова и свобода научного исследования, он предпочитал решать проблемы мирным путем. В области славяноведения В.А. Францев был ученым европейского масштаба.

⁶¹ Об изучении В.А. Францевым лужицких сербов подробнее см.: *Лантева Л.П.* Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. М., 1997 (на с. 69–70 список трудов Францева о лужицких сербах); *ее же.* Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 2000.

⁶² Об этом см. *Лантева Л.П.* Научная и общественная деятельность Владимира Андреевича Францева в эмиграции в Чехословакии. – Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие. Прага, 2012.